

КИРИЛЛ МЯМЛИН

ВЫСОКИЙ
КОММУНИТАРИЗМ
КАК
РУССКАЯ ИДЕЯ



Институт Высокого Коммуитаризма

Кирилл Мямлин

Высокий Коммунитаризм как Русская Идея

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17074896

«Высокий Коммунитаризм как Русская Идея» / Кирилл Мямлин:

Кислород; Москва; 2011

ISBN 978-5-901635-29-2

Аннотация

Сегодняшний системный кризис в мире связан с кризисом идеологии либерализма. При этом ограниченность выбора самих политических теорий – социализма, либерализма и фашизма – заставляет задумываться о создании новой, «четвертой» политической теории, о которой говорили многие мыслители в последнее столетие – от Ивана Ильина и Николая Бердяева, до Алена де Бенуа и Александра Дугина. Новой «универсальной» и одновременно «индивидуальной» политической теорией для каждой страны и каждого народа, должна стать политическая теория «Высокого Коммунитаризма», которую и предлагает автор вниманию политических философов, экономистов и политологов. Поскольку книга написана доступным языком, она станет интересной для любого читателя, который задумывается над тем, как выйти из надвигающейся глобальной катастрофы и

переживающего за наше будущее. Позитивное развитие событий возможно, но для этого нужно приложить определенные усилия. А для начала проанализировать, как и на кого работает сегодняшняя система.

Содержание

От автора «Экономика, как детектив»	5
Часть I	9
В качестве предисловия	9
Несколько слов о политических теориях	40
Глава I	52
Между Сциллой и Харибдой	52
Куда ведет этот вектор развития	58
Глава II. Высокий Коммунитаризм как	72
Русская Идея	
Коллективизм или индивидуализм	74
Универсальность принципов основ	78
коммунитаризма	
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кирилл Мямлин

Высокий Коммуитаризм как Русская Идея

От автора «Экономика,
как детектив»

*Человечество, в массе своей, никогда не будет
стремиться увидеть вещи такими, какие они
есть...*

Мэтью Арнольд английский поэт и культуролог

Эту книгу мог написать каждый, у кого есть склонность к аналитике и возможность провести за этим занятием достаточное количество времени. Мне повезло потому, что я мог позволить себе потратить несколько лет, чтобы прийти до понимания, как на самом деле устроено управление миром, в котором мы оказались в 1991 году, и осознать, к чему мы движемся в настоящий момент. Этим пониманием я готов с вами поделиться.

В основе книги лежат несколько сот статей по экономике, политике и истории, которые я изначально писал и публиковал в Живом Журнале и на нескольких интернет-ре-

сурсах. Все эти материалы объединяло одно – желание понять, как мы пришли к современной форме мировой системы, которая рушится у нас на глазах. Статьи изначально казались достаточно разрозненными, как детали от пазла, но постепенно они стали складываться в одну общую картину. Кроме возможности понять, почему происходит обрушение существующей мир-системы, мы вместе с Вами также разберем, какой строй начнёт складываться после еще фактически не наставшего кризиса. Именно эти материалы находятся в первой части книги.

В процессе исследования выяснилось, что экономика может быть необычайно увлекательной, практически детективом. Речь идёт о крупнейших мировых ограблениях, совершаемых на наших глазах, и краже десятков тысяч тонн золотых запасов, и не только о них. Расследование показало, что у нас украли и систему знаний. Так далеко не обо всех понятиях, входящих в сокровищницу мировой мысли в экономике, политологии и социологии, рассказывают в университетах и у нас, и за рубежом... Многие замечательные теории и рецепты остаются неизвестными широкому кругу, их старательно замалчивают, информация о них малодоступна. Почему – вы поймёте, когда прочтёте книгу. Чтобы не рвать общую линию изложения сложившейся политической теории, в основном тексте даны наиболее короткие и ёмкие объяснения для некоторых не самых распространенных терминов и понятий.

Для того, чтобы раскрыть их полнее (а вовсе не за тем, чтобы потратить больше бумаги и вашего времени), к основной части пришлось добавить вторую часть, состоящую из отдельных статей. В них подробно раскрывается механизм, как в угоду финансовому Молоху либерал-капитализма коммерческие банки самостоятельно выпускают деньги в объеме много большем, чем сами Центробанки; кому выгодно скрывать информацию о принципиально иной денежной системе, которая ускоряет все экономические процессы от 12 до 20 раз; почему от нас фактически скрывают такие понятия, как, к примеру, «деньги с демерреджем», которыми могли бы пользоваться все страны в международных расчётах уже после Второй мировой войны. И кому выгодно сокрытие этой информации.

Все направлено на поддержку системы монопольной резервной мировой валюты и осуществляющей её эмиссию частной структуры ФРС США, принадлежащей потомкам тех самых людей, которые и создавали основы современной банковской системы в XVIII–XIX веках. Характерно, что еще в 1875 году лорд Актон, лорд-Начальник Юстиции Англии, написал пророческие слова: «Битва, которая проходит через века и в которой рано или поздно всем предстоит сразиться, – это сражение людей против Банков».

В текстах обеих частей книги могут присутствовать некоторые повторы, но они не убирались намеренно, чтобы «закрепить материал». Так, вначале часть информации

может показаться необычной, но только на первый взгляд. Дело в том, что при более внимательном анализе приходит понимание, что мы находимся в жесткой матрице навязанных нам понятий. Так обществу стало более важным увеличение количества виртуальных записей в компьютерах, которыми на сегодня заменили деньги, чем падение норм традиционной морали. Может быть, нам пора вернуться к своим естественным ценностям, чтобы начать уверенно двигаться дальше?

Из собранных вместе новых и хорошо забытых старые понятий, была создана новая политическая теория «Высокого Коммунитаризма». Её и предлагаю вниманию Вдумчивого Читателя.

Чем выше порядок живого существа, тем сильнее в нем жизнь, тем дальше оно от материи

Лян Шумин, китайский философ

PS. Все исследования проведены на основании анализа открытых источников.

Часть I

Высокий коммунитаризм как русская идея

В качестве предисловия

Свободные деньги (Freigeld) или Последний гвоздь в крышку гроба глобальной империи золотого тельца

*«Я убежден, что будущее научится больше у
Гезелля, чем у Маркса».*
Джон Мейнард Кейнс

Деньги, деньги, деньги – весь смысл существования сегодняшней цивилизации посвящен одному: получению денег. Любым способом – «деньги не пахнут». Между тем во многих религиях мира не случайно был запрещен ссудный процент – ростовщичество, осуществляемое тесной группой дельцов, образовавших особый клан. Менялы, которых Иисус выгнал из храма две тысячи лет тому назад, в течение последней пары сотен лет вновь стали главными действующими лицами истории, а слово «банкир» синонимом

«влиятельного и успешного человека». Хотя сами банки имеют глубоко порочную историю. Так, первые банковские дома Европы были организованы «благородными» рыцарями-крестоносцами, получившими свое состояние во время разграбления храмов Константинополя.

С тех пор христианская религия на Западе претерпела несколько кризисов, но наиболее тяжким ударом по библейскому восприятию мира, или «*Библейскому проекту*», стало, пожалуй, возникновение протестантизма. Удар был направлен в резкую критику церковных институтов, а индивидуализация духовного начала и принцип личного обогащения были возведены в религиозную добродетель.

Выдающийся английский историк А. Тойнби писал: *«Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка... крайне дики».*

Последовала эпоха Просвещения, свершилось «символическое убийство Бога» Ницше, произошла трансформация перехода европейского менталитета – где-то на **либеральные** (англосаксонский капитализм, замешанный на протестантской идеологии), а где-то на **марксистские** (социалистические) позиции (несмотря на еврейские корни автора, во многом отразившие и немецкие традиции). При этом в

новой истории, помимо двух перечисленных, возникла еще одна идеология национальной модернизации (*фашизм и его аналоги*), вобравшая в себя в основном различные эзотерические, мистические, нехристианские культы. Достаточно показательным является тот факт, что основоположниками фашизма стали англосаксы¹. На дрожжи протестантского «британского духа» благодатно легли не характерные для них сумбурно собранные эзотерические знания из своих многочисленных колоний. «Доработали» идеи люди «германского духа».

Неудивительно, что первые две идеологии (либерализм и марксизм), имевшие в своем «коллективном бессознательном» монотеистические корни, объединились, чтобы уничтожить третью, мертворожденную искусственную агрессивную идеологию-гомункула. После чего две оставшиеся идеологии, либерализм и марксизм, еще какое-то время боролись между собой. Марксизм потерпел свое видимое поражение в начале 90-х, либерализм терпит это поражение сейчас.

Liberty – слово, от которого и происходит название «либерализм», – это исключительно «свобода от». За нее-то и бьются либералы, на ней-то они и настаивают. А что касается «свободы для» – freedom, т. е. ее смысла и ее цели, то тут либералы замолкают, считая, что каждый конкретный индивидуум сам может найти применение свободы, или вообще не искать для нее никакого применения. Это вопрос частно-

го выбора, который не обсуждается и не является политической или идеологической ценностью.

В высшей стадии развития либерализма не осталось никаких ограничений в области духа, при этом полностью отсутствуют какие-либо ориентиры и вехи. Неоспиритуализм, экстравагантные секты, культы и хаотические фрагменты традиционных религий плюс психотропные средства, способствующие экзистенциальному стилю жизни. И каждый стал волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно, декларировать что угодно. Все духовное было выхолощено, главным осталось материальное – только частная собственность, деньги и личные свободы без норм морали. При этом колоссальный уровень манипуляции техническими средствами над человеческим сознанием в новой Глобальной Империи заменил религию, но он не дал никакого идеалистического проекта, а стал лишь инструментом зомбирования в угоду финансовых и политических интересов конкретных элит. В современном «цивилизованном мире» высмеивают высшие достижения человеческого духа как архаику и дикость, реформируют религии и культы на потребу оглуленным ордам, свирепо ищущим развлечений. Все это привело к тому, что *призрак Золотого Тельца вновь стал новым материальным «божеством»*, а человеческое общество оказалось трансформированным в «общество потребления».

Поэтому достаточно закономерно, что бесконтрольная мировая финансовая «элита» ради наживы загнала мировую

экономику в глубочайший кризис. Но и выходом из этого кризиса сейчас объявлен «универсальный» рецепт накачивания вновь напечатанными деньгами тех же банков. Холеру начали лечить пургеном... Порочный круг финансового сфинктера судорожно сжался, но он готов взорваться, не выдержав этого напряжения. Судороги больного могут стать смертельными.

Нас уверяют: единственное, что способно двигать прогресс сегодня, это максимально свободные банковские кредитные капиталы. Но это не так.

Многие замечательные теории и рецепты, как уже сказано, старательно замалчивают, информация о них малодоступна – в угоду глобальному финансовому Молоху. Так произошло с теорией *«Автархии больших пространств»* Фридриха Листа; *General Theory* патриарха современного капитализма Джона Кейнса, в рамках которой он ещё в 1930-х предлагал обеспеченную новую валюту². Наконец, практически ничего неизвестно о *«Теории свободных денег»* Сильвео Гезелля. Все усилия мировой машины масс-медиа направлены на поддержку системы монопольной резервной мировой валюты и осуществляющей ее эмиссию частной структурой ФРС США.

А ведь существует множество систем, альтернативных необеспеченным и кредитным деньгам, а значит, теоретически есть способ избежать финансовой катастрофы, неминуе-

мо влекущую за собой череду глобальных военных конфликтов, мирным ненасильственным способом.

Своеобразие темы в том, что все модели «свободных денег» изначально создавались не в качестве альтернативы глобальной финансовой системе, а как локальная инициатива, способная облегчить жизнь мелкой общине, поселку, городу, самое большое – области или графству. Существует даже синоним для обозначения разновидностей «свободных денег» (Freigeld) Сильвио Гезелля – community currencies, местные валюты. От малого к большому – идея полной замены национальных валют свободными национальными деньгами возникла гораздо позже, в период окончательного отлета денежной фантазии от реальности товаров и услуг в начале 80-х годов прошлого века. Сейчас эта возможность технически осуществима легко. Вопрос лишь в наличии политической воли. А также в том, кто выйдет победителем в борьбе за «сеньораж» – доход от эмиссии денег – стоящая за Банками узкая группа частных лиц или само Общество.

До сих пор возможности применения и схемы внедрения «свободных денег» в локальном аспекте на ограниченном участке рыночного пространства были настолько элементарны, а эффективность их применения столь наглядна, что необходимо задуматься и о системе их использования как в региональном, так и глобальном масштабе. Но...

Отец теории. Заговор молчания

В 1603 г, через три года после расправы с Джордано Бруно, все без исключения его произведения были включены в папский Индекс запрещенных книг. Инквизиция всеми силами пыталась предать «еретика» Джордано Бруно забвению.

Информация о «еретике» Сильвио Гезелле отсутствовала в «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», периодически удалялась из «свободной Википедии»... А ведь речь идёт о человеке, поставленном патриархом современного капитализма Джоном Кейнсом выше самого – страшно подумать! – Карла Маркса. Но эти «странности» происходят не только в отечественном информационном пространстве.

По словам Сергея Голубицкого (публициста, специализирующегося на «финансовых расследованиях»), может показаться, что имя Сильвио Гезелля окутано мраком по обе стороны океана в силу биографических обстоятельств: автор труда «Естественный экономический порядок»³ был самоучкой, что могло бы вызывать презрительную насмешку у зубров академической науки.

Подобное предположение, однако, далеко от истины. Уже через три года после смерти Гезелля (1930 год) профессор Йельского университета, ведущий специалист в области теории денежного обращения и кредита Ирвинг Фишер в работе

«Марочные сертификаты» («Stamp Scrip») выразил восхищение теорией Гезелля: «Медицина многим обязана неподготовленным умам, по крайней мере, умам, не подготовленным в медицине. Так Пастер, будучи профессиональным ученым, не был врачом, ларингоскоп усовершенствовал, а многие утверждают – даже изобрел – видный испанский певец Мануэль Гарсиа.

Недавно скончавшийся Сильвио Гезелль был немецким предпринимателем и квазиэкономистом. Он жил в Аргентине и многие свои работы писал по-испански. В 1890 году, находясь в Аргентине, Гезелль предложил заменить деньги «марочными сертификатами», теми самыми, что сегодня получили столь широкое распространение в нашей стране...»⁴.



Вслед за Ирвингом Фишером теорию Гезелля признали прочие академисты, в том числе и британский «авторитет авторитетов» Джон Мейнард Кейнс. В середине 30-х Freigeld успешно вводились в Австрии, Швейцарии, Германии и – практически повсеместно – в Соединенных Штатах Америки в период «Великой депрессии». Казалось, делу Сильвио Гезелля обеспечено звездное будущее, однако очень быстро и его имя, и его теория оказались начисто вычеркнутыми из общественного сознания. Почему?

У всех попыток реализовать на практике теорию свободных денег в 30-е годы была общая судьба: в кратчайшие сроки (максимум – один год, а обычно – уже через два-три месяца) они демонстрировали феноменальные результаты по преодолению самых мрачных проявлений экономической депрессии: устраняли безработицу, радикально повышали сбор налогов, возрождали муниципальную активность, вызывали расцвет местной торговли и – главное – ликвидировали дефицит живых денег загнанных дефляцией в кубышки банковских сейфов.

Стоило вести о чудо-деньгах распространиться по округе, как появлялось массовое желание соседних муниципалитетов и общин присоединиться к эксперименту. Следом вмешивался национальный Центробанк, под тем или иным предлогом закрывавший проект. При этом, как правило,

предъявлялось обвинение в нарушении монополии на эмиссию и оборот денежных средств. В частности, подобный сценарий был разыгран в Германии (эксперимент Вага в Шваненкирхен) и Австрии (свободные деньги в альпийском городке Вёргль). Что касается США, то тысячи экспериментов по введению свободных денег в большинстве штатов благополучно задушил «Новый договор», в одностороннем порядке подписанный с нацией масоном 32-го градуса Ф.Д. Рузвельтом. «Новый договор» завершил «финансовую революцию» 1913 года, полностью передав права на эмиссию доллара в частную структуру ФРС. При этом 5 апреля 1933 года президент подписывает «Указ № 6102», запрещающий гражданам и организациям иметь золотые сбережения: *«Я, Франклин Д. Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, констатирую возникновение чрезвычайного положения в стране и властью, предоставленной мне законом, налагаю запрет на накопление золотых монет, золотых слитков и золотых сертификатов на континентальной территории США, производимое частными лицами, партнерствами, ассоциациями и корпорациями...»* Ошарашенному населению предлагалось сдать все свои золотые сбережения до 1 мая 1933 года в обмен на бумажные долговые обязательства Федеральной Резервной Системы США.

После Второй Мировой войны имя Гезелля вместе с его свободными деньгами окутали тайной, и «заговор молчания со стороны академической науки» здесь ни при чем. Истин-

ная причина кроется в пророчестве Кейнса, выведенном в эпиграф. Идея Freigeld Гезелля не просто подрывает самые основы мировой финансовой системы, но и является наиболее действенным из реально существующих и, кроме того, многократно и успешно апробированным на практике способом ликвидировать диктат кредитных денег. В подобном контексте опасность для status quo мировой финансовой элиты, таящаяся в концепции Freigeld, несопоставимо выше, чем от всех вариаций на тему «Капитала» Маркса.

Radix mali (корень зла), раскрытый концепцией Сильвио Гезелля

В основе теории Freigeld лежит утверждение о том, что деньги должны быть «инструментом обмена и больше ничем». По мнению Гезелля, **традиционные формы денег предельно неэффективны**, так как *«исчезают из обращения всякий раз, как возникает повышенная в них потребность, и затапливают рынок в моменты, когда их количество и без того избыточно»*. Подобные формы денег *«могут служить лишь инструментом мошенничества и ростовщичества и не должны признаваться годными к употреблению, сколь бы привлекательными ни казались их физические качества»*. Сильвио Гезелль писал эти слова в эпоху, когда золотой стандарт еще являлся общепринятым условием эмиссии бумажных денег. Последовавший отказ от всякого обеспечения лишил деньги и их последней – физиче-

ской – привлекательности.

Если бы Гезелль остановился на критике несовершенства денежных систем, его имя давно бы исчезло в песке истории. Тем более что критический анализ Гезелля и рядом не стоит с монументальной вивисекцией, проделанной Карлом Марксом над капитализмом. Гениальность Гезелля в другом: в выводах и – главное – практических рекомендациях.

У Маркса «зло» – в прибавочной стоимости, а восстановление справедливости предполагает изъятие этой стоимости у одного класса в пользу другого. У Гезелля «зло» – в кредитной природе денег, а восстановление справедливости предполагает ликвидацию этой кредитной природы, подпитывающей Гобсеков. **Главное отличие: вместо насилия над людьми – насилие над абстракцией!**

Современные деньги, призванные по определению облегчать обмен обычных товаров, обладают, в отличие от этих самых товаров, уникальной способностью: они умеют размножаться себя без особых усилий со стороны их владельца. Крестьянин, доставивший на рынок фрукты, уязвим перед фактором времени: если быстро не реализовать товар, он либо упадет в цене, либо испортится. Деньги в кармане покупателя лишены подобных недостатков. К тому же деньги можно хранить не в кармане, а в банке, где они будут расти. И яблоки, и помидоры, и персональный компьютер, и автомобиль со временем гниют, киснут, амортизируются и обесцениваются, а деньги сохраняют преимущества непортяще-

гося товара. Разумеется, лишь в теории, но не на практике, поскольку кредитные деньги, изначально задуманные в качестве самоценного товара с растущей стоимостью, из-за избыточной эмиссии пожирают сами себя и обесцениваются.

Тем не менее, деньги в современной их форме превратились в идеальный товар, что и обуславливает их незаинтересованность в обслуживании рынка традиционных товаров и услуг, откуда они изымаются для самоудовлетворения – будь то в форме срочных депозитов, ценных бумаг, облигаций, опционов, фьючерсов, варрантов, свопов и сонма виртуальных производных, финально обрушивших мировую экономику. Можно предположить, что отличие свободных денег от традиционных в том, что на них не начисляются проценты. Но Сильвио Гезелль выдвинул еще более революционную для нового времени идею: *недостаточно лишить деньги способности приносить прибыль за счет процентов, их... необходимо обложить процентами!* Иными словами, за пользование деньгами должна взиматься плата: *«Только деньги, которые устаревают, подобно газетам, гниют, как картофель, ржавеют, как железо, и улечучиваются, как эфир, способны стать достойным инструментом для обмена картофеля, газет, железа и эфира. Поскольку только такие деньги покупатели и продавцы не станут предпочитать самому товару. И тогда мы станем расставаться с товарами ради денег лишь потому, что деньги нам нужны в качестве средства обмена, а не потому, что мы ожидаем*

преимуществ от обладания самими деньгами»³.

Концепция Freigeld революционна для нового времени – между тем, не только сама идея, но и опыт ее применения на практике имеет тысячелетнюю историю. Все новое – это хорошо забытое старое: свободные деньги длительное время применялись еще в Древнем Египте. Единицами денег с «демерреджем» в Египте служили грубые осколки глиняной посуды, называемые «острака» (ostraka). По сути, эти осколки были расписками за депозиты, сделанные фермерами на местных складах: фермер сдавал зерно и получал «остраку».

И совсем уж сенсационна информация о том, что различные вариации на тему Freigeld служили основной формой денег в Средневековой Европе с X по XIII век.

«В германских землях это были «брактеаты» (bracteaten), тонкие серебряные пластинки, которые выводились из обращения и заменялись новыми каждый год». А также: «В 930 году н. э. английский король Этельстан установил, что каждый небольшой город должен иметь свой собственный монетный двор! В контексте этой традиции местных лордов растущий доход благодаря «Renovatio Monetae» (буквально «Возобновление чеканки») был установлен повсюду. Например, в 973 году Эдгар полностью изменил чеканку английского пенни. Едва ли не шесть лет спустя молодой король Этельред II начал чеканку новой монеты. Он повторял это с тех пор через примерно равные интервалы. Главной мотивацией было то, что королевские

казначей давали только три новые монеты за четыре старых, что было эквивалентно налогу в 25 % каждые шесть лет на любой капитал, содержащийся в монетах, или примерно 0,35 % в месяц. Таким образом, новая чеканка была грубой формой платы за хранение».

Приоритет свободных денег над кредитными, наблюдаемый у истоков европейской цивилизации, служит лишним доказательством (в дополнение к традиционному христианскому запрету на ростовщичество) нашей идеи: банковский капитализм, доминирующий в современной экономике, отнюдь не является органичным развитием общественных отношений, а лишь фиксирует общее поражение Традиции, нанесенное ей чуждой морально-этической системой.

Скупой Рыцарь с Плюшкиным должны платить за «счастье» чахнуть над сундуками.

Гобсек обязан разделить судьбу Агасфера.

Кредитные деньги должны уйти из нашей жизни.

Дело техники

Фундаментальное отличие свободных денег от общепринятых кредитных заключается в том, что свободные деньги не только не приносят проценты, но, напротив, облагаются налогом за хранение. Изначально Сильвио Гезелль предлагал четыре формы реализации принципа Freigeld (табличные

свободные деньги, марочные, серийные и дополнительные), однако впоследствии остановился на «марочной форме», которая и была реализована на практике в Австрии, Швейцарии, Германии и Америке.

Именно марочную форму Freigeld под названием «марочные сертификаты» описал Ирвинг Фишер. Основные характеристики свободных денег: подобно обычным деньгам, их можно положить на счет, инвестировать либо потратить, однако их нельзя приумножить. Достигается это следующим образом – предположим, городские власти принимают решение об эмиссии свободных денег, чей ценностный эквивалент устанавливается по договоренности на уровне тысячи долларов. Назначение эмиссии – финансирование муниципального строительства в течение одного года. Для успеха необходима добрая воля по меньшей мере двух сторон: рабочих, участвующих в строительстве, и торговцев, у которых эти рабочие закупают товары. Первые должны согласиться принимать свободные деньги в качестве оплаты труда, вторые – в качестве оплаты за товары.

Фишер справедливо указывает на отсутствие необходимости заключать договор со всеми торговыми организациями: достаточно нескольких, чтобы остальные добровольно подтянулись в силу конкуренции. Свободные деньги эмитируются сроком на один год, по истечении которого они могут быть обменены на обычные доллары. Для обеспечения обмена муниципальным властям в момент *экспирации* (по-

следний день действия «марочных сертификатов») потребуется тысяча живых долларов. Любопытно, что их можно получить из самой эмиссии, поскольку марочная модель свободных денег позволяет добиться самоокупаемости проекта.

Вот как это выглядит: Лицевая сторона «марочных сертификатов», как правило, похожа на обычные деньги. На ней указывается стоимостный эквивалент (например, один доллар), имя эмитента, условия и сроки обмена на обычные деньги. На обратной стороне расположены 52 ячейки, на которые необходимо еженедельно наклеивать марки. Предположим, по договоренности контрольным днем недели считается среда. Значит, «марочный сертификат» может находиться в обращении со старой маркой вплоть до среды следующей недели, когда последний держатель сертификата обязан наклеить новую марку. Марка стоимостью в два цента продается муниципальными властями, реализующими проект свободных денег.

Теперь понятно, откуда берутся деньги для обмена свободных денег на обычные в момент экспирации: в конце года каждый марочный сертификат будет иметь 52 наклеенных марки, которые муниципалитет продал за сумму в 1 доллар 4 цента. Эмиссия в 1 000 долларов, таким образом, приносит 1 040 долларов живых денег. 1 000 пойдет на покрытие обмена, а 40 – на покрытие расходов по администрированию проекта.

Однако самокупаемость марочных сертификатов – не главное. Главное, еженедельная экспирация свободных денег приводит к неслыханной их оборачиваемости. Судите сами: каждый обладатель марочного сертификата стремится избавиться от него как можно скорее для того чтобы не платить в ближайшую среду налог в форме двухцентровой марки. В конечном счете, все свободные сертификаты во вторник вечером накапливаются у розничных торговцев, оптовиков либо производителей, которые наклеивают марки – своеобразную форму налога (получившей еще одно название – «демерредж») – с великим удовольствием: именно эти энергичные деньги обеспечивают им небывалые торговые обороты.

Нужно отметить, что именно Ирвинг Фишер проводил исследования, которые показали, что оборачиваемость свободных денег как минимум в 12 раз (как мы уже говорили) превышает оборачиваемость обычных денег в сотнях городов США во время Великой Депрессии. Именно это свойство свободных денег позволяет говорить об их уникальной эффективности, которая, как известно, определяется формулой: «объем, помноженный на скорость обращения».

Триумф

Модель функционирования свободных денег в виде «марочных сертификатов», описанная И. Фишером, была буквально дословно реализована уже в самых первых опытах применения концепции Гезелля на практике.

Принцип марочных сертификатов в 1930-х годах три раза применялся на локальном уровне: в Баварии, в австрийском Тироле, в Альберте (Канада). В каждом случае эта мера успешно увеличивала спрос и занятость, но использование таких денег вскоре запрещалось властями.

В Германии так называемое Freiwirtschaft движение, которое предполагало использование «марочных сертификатов» в качестве валюты, началось в 1919 году. В рамках этого движения Хансу Тимму, другу Гезелля, удалось сформулировать правила обмена с целью внедрения нового принципа в жизнь. «Марочный сертификат» он назвал «Вар» (Wara) (слово образовано путем сложения из двух других – «Ware» and «Wahrung», что означает, соответственно, «товары» и «валюта»); организация получила название «Wara Exchange Association». Марочные сертификаты были выпущены номиналом $1/2$, 1,2 и 5 Вара, в Ассоциации покупались соответственно за $1/2$, 1,2 и 5 рейхсмарок.

После этого сначала в Германии владелец угольной шахты Макс Хебекер возродил из пепла баварский поселок Шваненкирхен, чье население (500 человек) последние два года существовало впроголодь на государственные пособия по безработице: *«Уже через несколько месяцев после возобновления работы шахты Шваненкирхен было не узнать – рабочие и владельцы торговых лавок полностью погасили все свои задолженности, а новый дух свободы и жизни буквально*

но витал над городом. Новость о процветании поселка в самый разгар экономической депрессии, поразившей Германию, мгновенно распространилась по округе. Репортеры со всей страны писали о «чуде Шваненкирхена», и даже в Соединенных Штатах можно было прочитать об эксперименте в финансовых разделах всех крупных газет»⁴.

Через год немецкий опыт был триумфально повторен мэром австрийского города Вёргель Микаэлем Унтергуггенбергером (Michael Unterguggenberger). После введения в оборот свободных денег, созданных по типу марочных сертификатов (плата за пользование происходила не раз в неделю, а один раз месяц), город, в котором налоговая задолженность за пять лет возросла с 21 тысячи до 118 тысяч шиллингов, приступил к погашению уже в первый месяц (4 542 шиллинга). В следующие полгода эмиссия «свободных шиллингов», эквивалентная 32 тысячам обыкновенных шиллингов, обеспечила проведение общественных работ на сумму в 100 тысяч шиллингов: было заасфальтировано 7 улиц, улучшено 12 дорог, расширена канализация на два новых квартала, создан новый парк, построен мост и предоставлены новые рабочие места 50 безработным.

1 января 1933 года в Вёргеле приступили к строительству нового горнолыжного курорта и водохранилища для пожарной службы. Соседний город с населением в 20 тысяч жителей в спешном порядке приступил к подготовке эмиссии собственных свободных денег. Когда опытом Вёргеля за-

интересовалось 300 общин страны, Национальный банк Австрии, почувствовав угрозу своей монополии, запретил печатание свободных местных денег.

Если вернуться к теории, то сам Сильвео Геззель планировал, что для дальнейшего развития новых политэкономических отношений, связанных с применением его системы, характеризуемой беспроцентными деньгами, земля должна быть национализирована, а ее владельцы должны получить компенсацию в виде государственных облигаций. Благодаря использованию штампуемых денег (или «марочных сертификатов»), которые бы оставались действительными только при регулярном обновлении штампа (или марок), осуществляемом государством за определенную плату, ставка процента на эти облигации и прочие ведущие инструменты, в конечном счете, свелась бы к нулю. Когда, таким образом, были бы ликвидированы такие источники дохода, как рента и процент, рабочий получал бы полную стоимость произведенного им продукта. Матери должны были бы получать часть годового дохода, получаемого с национализированной земли, поскольку их «продукция», население, является источником спроса на землю и, соответственно, на ренту.

Депрессии Геззель связывал с неадекватными инвестициями, а последние – с падением ожидаемой нормы дохода от продолжения инвестиционного проекта, при том, что снижение денежной ставки процента не может иметь места по причине существования альтернативных возможностей вложе-

ния. Этот анализ по существу предвосхищает General Theory Кейнса, что в полной мере признал в своей работе и сам Кейнс.

После Второй Мировой войны

развитие концепции свободных денег пошло в двух направлениях – локальные системы взаимного кредитования (т. н. LETS – Local Exchange Trading Systems⁵), использующие вместо физических сертификатов либо чеки, либо электронные формы взаимозачета, и системы time banking⁶, позволяющие участникам проекта обменивать свой труд на т. н. «тайм-доллары». Последняя модель особенно проста для реализации: вы тратите свое свободное время на выполнение какой-либо работы для других участников проекта: выгуливаете собак, сидите с чужим ребенком, стрижете в парикмахерской, предоставляете стоматологические услуги, печете хлеб, подстригаете газоны. За каждый час работы вам выплачивают местные деньги по оговоренной таксе, например, 10 «тайм-долларов». Затем на полученные деньги вы можете приобрести либо другие услуги, зарегистрированные в «тайм-банке», либо товары в магазинах, участвующих в проекте.

Первые «тайм-доллары» были введены в 1986 году и приобрели огромную популярность в основном в США и Японии. Самые удачные примеры реализации этой схемы: Ithaca

Hours⁷ (в городе Итака, штат Нью-Йорк: в проекте принимали участие более 500 местных бизнесов – от медицинских центров, ресторанов и кинотеатров до фермеров и агентств недвижимости), японская «валюта здравоохранения», ROCS (Robust Currency System)⁸. Последняя система (ROCS) не только совмещает в себе time banking и взаимное кредитование, но и последовательно реализует классическую функцию свободных денег Гезелля – демерредж.

Самая мощная система свободных денег сегодня – швейцарский WIR (Wirtschaftsring-Genossenschaft, Кооператив экономического круга)⁹, насчитывающий 62 тысячи участников и обеспечивающий ежегодный оборот в эквиваленте 1 млрд. 650 млн. (!) швейцарских франков. Несмотря на то, что WIR не является полноценной системой свободных денег, поскольку в ней отсутствует демерредж (WIR возник в 1934 году и изначально, как и полагается классическим свободным деньгам, предполагал плату за «простой», однако после Второй Мировой войны от демерреджа отказались), она находится в принципиальной оппозиции к кредитным деньгам, так как полностью беспроцентна – interest-free. Кредиты, предоставляемые банком WIR участникам системы, также беспроцентны.

Кроме того, в местности Беркширз, штат Массачусетс, США, система локальной валюты существует с 2006 года¹⁰, выпущено всего 2,3 млн. денежных единиц, назы-

ваемых BerkShares (демерредж отсутствует). Изобретательность местного казначейства оценили во Всемирном банке в Вашингтоне – *«Это очаровательная история, но укрепляет ли она доллар?»*. ФРС пока предпочитает не замечать происходящего. Пока.

В конце непременно следует развеять недоразумение, которое возникает при знакомстве с теорией Гезелля. Функция демерреджа не позволяет использовать свободные деньги для накопления. Но если деньги нельзя положить на счет и получать по ним проценты, каким образом члены общества, лишённые возможности заниматься производительным трудом (например, пожилые люди), могут улучшить своё материальное состояние? Неужели новая теория отрицает инвестиции в принципе? Вопрос этот, однако, не более чем инерция мышления: Сильвио Гезелль рекомендовал инвестировать не в средства обмена товаров и услуг (деньги), а в инструменты, специально для инвестиций созданные – ценные бумаги компаний и долговые обязательства (облигации).

Современность. Эпилог

Между тем теория получила своё развитие. Маргрит Кеннеди, чья книга «Деньги без процентов и инфляции»¹¹ стала библией сторонников теории свободных денег Сильвио Гезелля в России, пропагандирует мирный переход и терпеливое убеждение финансовой элиты в необходимости добровольно отказаться от главной кормушки – кредитных денег С

первого раза трудно представить себе меру идеализма, необходимую для возможности подобного развития событий.

При этом не стоит рассчитывать на стремительное насильственное разрешение ситуации, поскольку аппарат давления, вооруженный всеми современными технологиями, находится на службе «старых денег» и намного превосходит шансы любой оппозиции, что исключает даже намек на осмысленное вооруженное противостояние. На службе «старых денег» находится и эффективная система тотального промывания мозгов через СМИ, которая никогда не допустит зарождения «неправильных мыслей» в количестве, достаточном для массовой конфронтации.

Между тем изменение существующего порядка возможно, в первую очередь, в ходе дальнейшего развития финансовой катастрофы, которой не избежать. Очевидно, что к этому шагу подтолкнет сама жизнь – первое появление «марочных сертификатов», о котором «постарались быстро забыть», произошло в самом конце Первой Мировой и стало решением для выхода из послевоенной депрессии.

Хотя концепции Гезелля можно вменить теоретические неточности и практические трудности ее реализации, однако даже в современных условиях она продолжала свое существование в глубине «General Theory» Кейнса и «Booms and Depressions» Фишера.

Тот же Кейнс в 1944 году в связи с основанием Международного валютного фонда и Международного банка рекон-

струкции и развития в Бреттон-Вудсе с настойчивым благо-разумием рекомендовал, чтобы не только кредиты Между-народного Банка Реконструкции и Развития с низкими по-ложительными процентами, но и вклады в него были обре-менены своего рода штрафными процентными сборами или «демерреджем» («что было поистине революционным», как пишет экономист Вильгельм Ханкель¹²). Этими «сборами», по мнению Кейнса, богатые нации должны были побуждать-ся постоянно распределять свою прибыль от торговых опера-ций в пользу тех бедных и промышленно неразвитых аграр-ных стран, продукцию которых они импортируные десятиле-тия практически тоталитарным учением. Она впитает в себя лучшее от многих – *«единство в многообразии»*. Но противосто-ять ей будет глобальная финансовая империя, сопротив-ление которой потребует усилий от всех, кто не готов рас-твориться в безликой «телемассе», не имеющей перспекти-вы на будущее.

Но все же только реализация предложенной Сильвио Ге-зеллем («еретической» с точки зрения финансовой элиты) альтернативной философии денежных отношений дает от-личную возможность вырваться из пут кредитных денег об-щества бесконечного потребления, именно его теория ста-нет последним гвоздем в крышку гроба Глобальной Импе-рии Золотого Тельца.

ют и/или которым они дают дешевые кредиты на раз-витие. Кроме того, Кейнс настаивал на введении в рамках

«Международной клиринговой палаты» собственной, независимой от доллара, проценторегулирующей учетной единицы: «Вансог». Этот план Кейнса, основанный на синтезе прудоновского «Обменного банка» и гезелловских денег с убывающей покупательной способностью, несмотря на поддержку британского правительства, был отвергнут в результате давления ФРС США.

Интересно, что и апологет «махрового либерализма» Фридрих фон Хайек в своей книге «Частные деньги»¹³ предложил способ достижения стабильности денег через запуск параллельных валют. При этом он упирал на идею, подобной той, как конкуренция между обычными товарами способствует улучшению их потребительских свойств и отбраковке низкокачественной продукции, так и конкуренция между частными валютами произведет отбраковку плохо обеспеченных и плохо управляемых валют. Останутся те валюты, которые будут наилучшим образом выполнять функции денег: служить средством платежа и сохранять свою стоимость во времени. Понятно, что за оригинальностью и новизной любой денежной концепции будут скрыты недостатки, на которые обязательно укажет жизнь. *Но и эта теория одного из наиболее почитаемых теоретиков ортодоксального либерализма была успешно «забыта» собственниками печатного станка единственной резервной валюты «либерального Запада».*

Очевидно, что закономерным развитием событий даже по

теории Хайека в современных условиях было бы создание и продвижение новых региональных валют взамен монопольного доллара – «твердого» акю, золотого динара, боливара, другой обсчет курса евро и рубля. Между тем Россия на прошедшем в 2009 году саммите G20 совершенно парадоксальным образом для национальных интересов выдвигает идею о создании «новой мировой финансовой валюты», что прежде всего говорит о сознательном или бессознательном желании элиты попасть в клуб Глобальной Империи. Но это не говорит о желании мировой финэлиты видеть там Россию.

Итак, теории «Автаркия больших пространств» Фридриха Листа, «свободных денег» Сильвио Гезелля, ряд постулатов Маркса, предложений Кейнса, а также работы многих других авторов¹⁴ готовы стать основой экономики «идеологии духовности» – Четвертой политической теории.

Новая экономическая теория не будет догматичной подобно марксизму или современному либерализму, ставшему в последние десятилетия практически тоталитарным учением. Она впитает в себя лучшее от многих – *«единство в многообразии»*. Но противостоять ей будет глобальная финансовая империя, сопротивление которой потребует усилий от всех, кто не готов раствориться в безликой «телемассе», не имеющей перспективы на будущее.

Но все же только реализация предложенной Сильвио Гезеллем («еретической» с точки зрения финансовой элиты) альтернативной философии денежных отношений дает от-

личную возможность вырваться из пут кредитных денег общества бесконечного потребления, именно его теория станет последним гвоздем в крышку гроба Глобальной Империи Золотого Тельца.

Использовались материалы:

С. Голубицкий «Freigeld», «Бизнес-журнал» № 18, 02 Октября 2007 года, ([http://www.business" magazine.ru](http://www.business)),

А.Г.Дугин, «Теоретические основы нового социализма», (<http://www.arcto.ru>), а также:

¹ М. Саркисянц «Английские корни немецкого фашизма. От британской к австробаварской «расе господ»» / Пер. с нем. М. Некрасова – СПб.: Академический проект, 2003 – 400 с.

² <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/1574564>

³ «Естественный экономический порядок», С.Гезелль <http://lib.rus.ec/b/184495>, («Naturliche Wirtschaftsordnung», опубликован в двух частях в 1906 и в 1911 гг., в 1929 г. переведен на английский – «The Natural Economic Order»)

⁴ «Stamp Script», Irving Fisher, LL.D. (Professor of Economics, Yale University), Assited by Hans R. L. Cahrssen and Herbert W. Fisher New York; Adelphi Company; Publishers; Copyright 1933 [http://userpage.fu" berlin.de/roehrigw/fisher/](http://userpage.fu)

⁵ [http://www.gmlets.u" net.com/](http://www.gmlets.u), Максим Трудолюбов,

«Своя экономика может быть создана в каждом селе» // Ведомости, 21 января 2002 года, № 6 (569).

⁶ И. Николаев. Системы местных валют – некапиталистические экономики в странах Запада, http://www.situation.ru/app/j_artp_273.htm, <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁷ <http://www.ithacahours.org/>

⁸ <http://www.transaction.net/money/rocs/9> <http://www.wir.ch/>

¹⁰ <http://www.usatoday.com/money/economy>

¹¹ Маргрит Кеннеди, «Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому», перевод Лилии Кальмер, Швеция, http://malchish.org/Nb/economics/kennedi_bez_procen-tov.htm

¹² «For a new world monetary order», Prof. Dr. Wilhelm Hankel, http://larouchepub.com/other/1999/hankel_2619.html

¹³ Хайек Ф.А. «Частные деньги», М.: Институт национальной модели экономики, 1996, ISBN 5-900520-06-4.

¹⁴ Жан Шарль Симонд де Сисмонди, Густав Шмоллер, Макс Вебер, Вернер Зомбарт, Жозеф Прудон, Йозеф Шумпетер, Франсуа Перру, Серж Кристоф Кольм, Николас Жоржеску-Реген, Мишель Альетта, Клиффорд Дуглас.

Несколько слов о политических теориях или Русская Идея, как «Конец и Начало истории»

Фашизм или компрадорство – как результат «либеральной модернизации»

До недавнего времени в мире присутствовало только три политических теории – либерализм, социализм и фашизм, – последовательно развивавшиеся в теории и практике. Все остальные политические теории до сих являлись лишь вариантами на их тему.

В 1917 году в России произошла первая социалистическая форма восстания нации против несправедливого миропорядка и неразрывные с ней формы экспроприации местных и иностранных капиталов. Форма социализма в нашей стране в процессе своей эволюции неоднократно трансформировались, а к 1991 году, по разным на то причинам, советский социализм потерпел поражение. Между тем мы вполне можем выделить квинтэссенцию того «идеального» социализма, который изначально пришел в нашу страну, что позволит нам уловить основные его достоинства и ошибки:

Во-первых, шло полное привязывание государства к идеологии, игнорируя при этом исконную национальную основу

(«кровь и почва»).

Во-вторых, тоталитарная техника власти осуществлялась через посредство партии-авангарда, как собрания «лучших сил народа», которая притязала на снятие разрыва между элитой и массами, превращая каждый человеческий атом общества в «единой силы частицу».

В-третьих, классовые противоречия снимались через совершение насилия над экономическими «верхами», ставя на экспроприацию и физическое истребление класса собственников.

В-четвертых, подобные установки вызывали неминуемые столкновения с государствами, где продолжал существовать «класс верхов».

Последующая за горбачевской «модернизацией» «аллергия на социализм» предопределила крах системы, подготовленный во многом отношением к социализму пролиберальной коммунистической номенклатурой, желающей исправить недостатки «идеального» социализма, и использующей в качестве инструментов т. н. «шестидесятничество»¹.

Ограниченность «младореформаторов», желающих любой ценой закрепиться на окраине «цивилизованного мира», и ограниченное количество политических теорий (социализм, либерализм и фашизм); отсутствие системы знаний по альтернативным вариантам развития; традиционное неприятие цивилизационных особенностей России и заранее отведенное ей положение сырьевой колонии со стороны

Запада в условиях плотно занятых ниш в мировом капиталистическом разделении труда, – все эти факторы фактически поставили страну перед трагическим и, казалось бы, безальтернативным выбором – между фашизмом или компрадорством (как формой периферийного, колониального «эрзац-либерализма»).

Разберем характерные для них эталонные черты:

Фашизм – протестный вариант, или (В. Цымбурский) – *вторая*² *форма восстания нации против попыток вписать нацию в дисконформный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта»*. Эта форма восстания имеет свои отличающие ее черты – теоретический эталон фашизма представляет из себя следующую конструкцию:

Во-первых, четкое противопоставление «мировым нормам», правилам игры определившимся в капиталистической мир-системе, ценностей данного народа, нации – т. е. ставка идёт на свои неотъемлемые, не экспроприруемые миропорядком «кровь и почву» – исконные культурные начала данной нации и ее первоосновы, где прообразы политического самоопределения идут в противовес нормам, диктуемым ей извне.

Во-вторых, тоталитарная техника власти посредством партии-авангарда как собранием «лучших сил народа», снимающей противопоставления общества и государства и становящейся над формальными структурами государства. Партия-авангард притязает на снятие разрыва между элитой

и массами, превращая каждый человеческий атом общества в «единой силы частицу».

В-третьих, в своем восстании фашизированная нация стремится внутри себя снять классовые противоречия, нейтрализовать конфликт богатых и бедных (экономических «верхов» и «низов» нации). Поэтому при фашизме не происходит экспроприации и физического истребления заправил экономики, но их склоняют консолидироваться с низами своей нации на основе морального единства и своих исконных первоначал, во имя которых «нация-пролетарка» поднимает бунт против не устраивавшего ее мира.

В-четвертых, такие режимы склонны к насилию по отношению к другим нациям.

Компрадорство – соглашательский, предательский вариант по отношению к национальным и социальным интересам общества. Именно такое одиозное «эталонное» компрадорское государство зеркально противопостоит «эталонному фашизму». Компрадорство при ограниченных условиях миропорядка становится прямой альтернативой фашизму в системе либерал-капиталистических ценностей «золотого миллиарда», поскольку:

Во-первых, вместо ставки на «кровь и почву» идет полное привязывание государства к внешним мировым структурам. Такие режимы черпают ресурсы своего выживания из внешней поддержки и внешнего признания.

Во-вторых, вместо тоталитарной техники власти (где

ставка идёт на «партию-авангард») – осуществляется авторитарная техника власти (когда управление государства имеет персональную привязку к конкретному лицу или небольшой группе лиц). При этом население не связывается ни в какую всеобщность. Ему предоставляется возможность «вертеться в свободном состоянии», лишь бы не вмешивалось в дела власти, не препятствуя ей по своему усмотрению определять условия этого «верчения».

В-третьих, вместо морально-политической нейтрализации происходит предельная поляризация общества. Игра идёт на противопоставлении образа жизни одной десятой приобщившихся к «мировому цивилизованному» и девяти десятых не приобщившихся «к цивилизации». При этом авторитарная техника власти предназначена удержать общество в таком напряженном неравновесии, по возможности до бесконечности отсрочивая взрыв.

В-четвертых, неминуемый социальный взрыв будет означать внешнюю интервенцию.

Таким образом, российские либералы – это в основном те, кому ближе понятие «ворюга мне милей, чем кровопийца»³, но их позиция, при продолжении растаскивания страны, приведет к неминуемой «пугачевщине» и её подавлению силами внешней интервенции.

При существующем миропорядке перед постсоветским (современным российским) обществом, которому в глобальном капиталистическом разделении труда было изначально

отведено место сырьевого придатка, стоят две страшные альтернативы:

– либо смириться с положением вещей, когда в обществе выделилась верхушка, «приобщенная к мировым стандартам», пользующаяся авторитарной техникой власти для обуздания девяти десятых населения, и гордящаяся тем, что играет по правилам «мирового цивилизованного»;

– либо идти на бунт, который с высокой вероятностью придаст обществу фашистские черты.

В настоящее время с крахом идеологии либерализма – «универсальной либеральной экономики» и подвязанных к ней «универсальных ценностей», основанных на социал-дарвинистских принципах «выживает сильнейший» – отчетливо видна протестная волна, основанная на национальных ценностях. При этом в России наблюдается все более острое противостояние национального мировоззрения и либерального, «европоцентричного».

Так неизбежна ли ситуация, когда население нашей страны оказывается перед безальтернативным выбором: Фашизм или Компрдорство?

Выходом может стать только спасительная внесистемность или Четвертая политическая теория – «идеология духовности и братства», вобравшая в себя лучшее из предыдущих политических теорий. Очевидно, что ее общая «идеальная» схема такова:

Во-первых, четкое противопоставление либерал-капиталистическим «мировым нормам» ценностей данного народа и его цивилизации. Ставка должна идти на свои неотъемлемые, не экспроприруемые миропорядком «кровь и почву» – исконные культурные начала данной нации, где она черпает прообразы политического самоопределения в противовес нормам, диктуемым ей извне. Но при этом строго необходимо иметь уважительное отношение к традициям и правам других наций.

Во-вторых, техника власти в виде народной (партисипативной) демократии, связывающей население во всеобщность и самостоятельно выдвигающей свои лучшие силы, снимающие противопоставление общества и государства.

В-третьих, осуществить морально-политическую нейтрализацию, когда нация снимает с себя классовые противоречия, нейтрализуя конфликт экономических «верхов» и «низов», так чтобы не происходило экспроприации и физического истребления полезных для общества социально активных типов хозяйствования. «Активные хозяйствующие субъекты» консолидируются с «экономическими низами» своей нации на основе морального единства, своих исконных первоначал и экономических интересов. При этом необходимо предусмотреть механизм перераспределения общественного богатства, не ущемляющий интересы «экономических верхов».

В-четвертых, избежать насилия над классами и соседни-

ми нациями, вместо этого предлагая присоединиться к себе на взаимовыгодных условиях. Т. е. должны быть выработаны принципы, должные стать основой, во имя которых «нация» объединяет вокруг себя другие нации, которые не устраивают правила, навязанные внешним «либеральным управлением».

Как совместить эти, казалось бы, несовместимые понятия, и является темой данного исследования.

Цивилизационная неизбежность «модернизации» и «начало истории»

«Русские варвары и колонизаторы врывались в стойбища, аулы, кишлаки и хутора, оставляя после себя школы, больницы, театры, музеи и университеты».

Уникальность русской цивилизации в том, что наиболее эластичным и живучим народом в мире является русский народ. Только на протяжении одного XX века наше общество успело пожить в условиях монархии, капитализма, идеократии, социализма, демократии с поворотом к дикому капитализму. Причем каждый такой период, в свою очередь, содержал в себе ряд субпериодов, мировоззренчески враждебных друг другу (например, НЭП и «застой» в рамках социалистического проекта), а также ряд тяжелых войн и революций.

Накопленный нами веками опыт выживания в любых условиях, с одной стороны, принес страдания, с другой – дал

тяжелый, а значит, тем более ценный опыт. В процессе крайних полюсных колебаний от одного типа политической формации к совершенно другим русские приобрели «цивилизационную эластичность», способную переваривать любой политический строй и выжить в войне. Мы умудрились не выйти за пределы допустимых колебаний, когда начинаются необратимые процессы, хотя нас к этому всячески подталкивали, а в середине 90-х находились у самого предела.

В свое время Арнольд Тойнби, проделавший титанический труд по переработке всей мировой истории в поисках закономерностей, пришел к выводу, что Россия выработала самый эффективный способ реагирования на стоящие перед ней вызовы – перед лицом внешних угроз России свойственно периодически сжиматься, а затем, накопив духовные и материальные силы, толчкообразно расширяться. И не просто, а вбирая в себя территории, с которых ранее исходила угроза⁴.

Так было, когда Киевской Руси противостояла «великая степь», так произошло в XV веке, когда угрожало Казанское ханство, так было в эпоху великой Смуты и противостояния с Польшей и Литвой. Ход политических событий различен, но принцип всегда один: расширяющаяся пульсация с выходом на новые рубежи. Пример уже из двадцатого века, когда нам угрожал фашистский Запад и на нас шли дивизии большинства европейских стран. Франц Гальдер (начштаба сухопутных войск Германии) в своем дневнике признавался:

«*Это поход всей Европы...*»⁵ Произошло очередное сжатие, границы оккупации дошли до Волги, затем последовала фаза очередного расширения и, как следствие, на полвека половина Европы находилась в советской сфере влияния.

Общая закономерность такова – каждое сжатие России содержит в себе зерно равновеликого расширения. Это есть классический русский уход-возврат, о котором пишет Тойнби. Сегодня Россия находится в пределах стадии максимального своего сжатия. Но «пружина» сама не разожмется – нам, живущим сегодня поколениям, нужно добиваться ее «разжатия».

России требуется прорывной проект модернизации – прежде всего в сознании. Нам нужны новые горизонты видения и понимание того, что есть дальше горизонта. И тогда нас ничто не сможет остановить. Не случайно на Западе, видя в нас конкурента, боятся именно создания в России нового идеалистического проекта, который может послужить новым толчком для стремительного развития страны. Таковым прорывом может служить только новая система политэкономических знаний и отношений, а не попытки строительства на месте рушащегося «глобального дурдома» его обновленного технократического «дурдома-2».

Удивительно, но потенциально к повороту на принципы Четвертой политической теории готова и существующая система – это и «электронное правительство» как прообраз системы сетевого планирования, «национальная платежная си-

стема» как основа для технического внедрения «свободных денег», не хватает только политической воли. При этом нужно помнить, что модернизация в России традиционно шла только сверху. При этом придется преодолевать сопротивление старой системы и людей, базирующихся на рентных, а не предпринимательских доходах. И это не только чиновники, но и крупный бизнес, в первую очередь контролируемый иностранными компаниями и связанными с ними компаниями.

В идеале такая модернизация должна быть связана с плавной и понятной трансформацией уклада жизни и повышения её качества, одновременно возвращающей непреходящие, естественные ценности народа и позволяющей задать долгосрочное поступательное развитие социальных и экономических отношений, при котором русская цивилизация станет примером подражания для всех остальных. Но тогда наступит не «конец истории» («как завещал тов. Ф. Фукуяма»), а придет ее реальное начало.

Самое удивительное, что шанс пойти по этому пути у нас есть.

Использовались материалы:

¹ <http://martinis09.livejournal.com/127020.html>

² помимо социализма. Капиталистический Запад был напуган тем, что в их собственном ареале обозначились разные типы бунтующих наций. А потому после мировой войны бы-

ли приняты все меры к тому, чтобы эти очаги погасить и абсорбировать подобные нации – внутри либерального «центра». Это было сделано. Россию никто в таком качестве и на таких льготных условиях абсорбировать не будет, да и не смог бы. Потому надо признать, что при желании любой ценой закрепиться на окраине «цивилизованного мира» перед Россией встанет выбор между двумя путями: путем компрадорским и путем фашистским.

³ И. Бродский, «Письма римскому другу».

⁴ Тойнби Арнольд, Дж., Постыжение истории: Сборник, пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М.: Рольф, 2001.—640 с.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М.: Воениздат, 1968–1971.

За сбор дополнительной информации спасибо <http://chuk-sn.livejournal.com/>

Глава I

Власть корпораций и грядущий нео-этатизм

Между Сциллой и Харибдой

«По-настоящему эффективным тоталитарным государством станет то, в котором всемогущие политические боссы во главе армии менеджеров встанут над рабами, не желающими свободы, поскольку им нравится прислуживать».

Олдос Хаксли. «О дивный новый мир!»

Мы неуклонно движемся к обществу, где интересы корпораций оказывают на политику определяющее влияние. Несмотря на всевозрастающее неприятие населения, сопротивление малого бизнеса и экономики, контролируемой государством, роль корпораций, в первую очередь транснациональных, постоянно возрастает.

При этом правительства в целом не в состоянии контролировать корпорации и помешать им наносить серьезный ущерб обществу. Например: разрушать экологию; брать на работу гастарбайтеров или переносить производства в третьи страны; получать сверхдоходы, благодаря неконтролиру-

емой монополизации; становятся настолько «системообразующими», что государства вынуждены тратить общественные ресурсы для их спасения. При этом правительства сегодня предпочитают скорее конкурировать за то, чтобы предложить этим компаниям более выгодные условия работы, чем выработать подходящую систему регулирования (Колин Крауч)¹.

Еще некоторое время тому назад политэлита «независимой России» делала ставку на

«Национальный вариант»,

представляющий собой власть чиновников, сросшихся с национальными корпорациями. К этому пути склоняется *«кровавая гэбня Путина»* (подобные эпитеты выдают силы, представляющие интересы частных корпораций). При «хорошем начале», когда, безусловно, страна была спасена от развала, этот вектор развития уперся в следующие ограничения:

- ступор, обусловленный сохранением политэкономического вектора, заложенного в 90-е годы;
- слепое копирование западной системы знаний и мифотворчества в области социальных наук и экономики, которые, во-первых, создавались Западом как инструменты отстаивания своих собственных специфических интересов, во-вторых, уже давно не отражают реальное положение дел;
- ограниченную финансовую систему, фактически находящуюся в состоянии стагнации.

дящуюся под внешним управлением.

Таким образом, эта корпоративная система изначально не имела *«зловещего интеллектуального превосходства»* (К. Поланьи)², обеспечивающего стратегическое развитие национальной системы.

Ставка для условий на выживание была сделана на полугосударственные сырьевые корпорации (вспомним тезис об «энергетической супердержаве»³), отданные под управление «своим». При этом отсутствие контроля со стороны общества привело к массовой коррупции. А в качестве одной из мер по самообороне коррумпированных корпораций стала имиджевая реклама, спекулирующая на теме «достояния России»⁴. Население не было связано во всеобщность, взамен ему была предоставлена возможность «вертеться в свободном состоянии». Техника власти авторитарная, выстроенная под «национального лидера», решение проблем шло через «заливку деньгами» – возможность, которая была обусловлена внешней конъюнктурой цен на сырье⁵.

Внешняя политика могла осуществляться максимально на расстоянии «вытянутой трубы», поскольку все попытки расширить сферы влияния уперлись в активное сопротивление ТНК. Потерянные рынки сбыта, включая свой собственный, не позволяют развиваться национальной перерабатывающей промышленности. Призывы отказаться от «имперских амбиций» идут как со стороны Запада, рассматривающего

мир как свою «вотчину», так и со стороны «либеральной оппозиции», работающей в качестве агента влияния. *При этом с экономической точки зрения под «страшным» термином «империя» нужно понимать всего-навсего общность самодостаточного рынка, который разными на то способами защищается от внешних воздействий.*

Все эти факторы привели путинское правительство в тупик, выходом из которого (опять-таки опираясь на заимствованную систему знаний) стала ставка на

Либеральный вариант

«Вместе со всем цивилизованным миром», или власть глобальных корпораций

Олицетворением этого вектора в российском политикуме стал «наилиберальнейший» Д. Медведев (он же первый руководитель страны, оценивающий крушение СССР позитивно). Этот вариант имеет свои специфические характеристики.

Опора идет на полное привязывание государства к внешним мировым структурам, откуда черпается поддержка и признание. На первое место выдвигаются ТНК, неизбежно подминающие под себя контроль над сырьевыми ресурсами, сельским хозяйством и выпуском высокотехнологичной продукции.

Одновременно в массовое сознание активно внедряется миф о заведомой неэффективности государственной экономики. Исходя из этого, принимаются и решения о расформи-

ровании и приватизации госкорпораций к 2015 году (о приравнении прав граждан к правам миноритарных акционеров госкомпании речь даже не идет) – зато в руках глобальных приватизаторов активы «неожиданно» становятся прибыльными. Для разрушения группового самосознания социума, не принимающего передачу национальных богатств в частные руки, выдвигается тезис о «десталинизации общества как о главной проблеме»⁷. Всеобщность населения намеренно разрушается, чтобы «сталинизированные» граждане, несущие менталитет государственности, не мешали распродаже остатков государственной собственности и не противились частной форме присвоения прибыли с общественного богатства.

Федеральная служба государственной статистики РФ



2010

При том, что общемировая тенденция в неуклонном росте разрыва в доходах между богатыми и бедными, игра внутри страны идет на противопоставлении образа жизни $\frac{1}{10}$ приобщившихся к «мировому цивилизованному» и $\frac{9}{10}$ не приобщившихся «к цивилизации». При этом авторитарная техника власти предназначена удерживать общество в таком напряженном неравновесии, до бесконечности отсрочивая

социальный взрыв (который будет автоматически означать внешнюю интервенцию). Задачей этого режима стала легализация элит на западе.

Между тем все современные виды либеральной демократии не способны более обеспечивать процветание широких слоев своего населения (как это было в 40-60-х годах), дойдя до предела, после которого капиталистическое получение прибыли более невозможно.

Об истинном положении дел ясно говорит доклад Трехсторонней Комиссии 1975 года (так и не опубликованный в России), согласно которому угрозой «демократии» для капиталистической элиты названы: сама демократия, высокообразованное общество и высокая степень политического участия масс в управлении. Рецепт сохранения власти капиталистической элиты являются: невовлеченность масс в политику, развитие апатии, создание прикормленной пертократии.

Такой вектор развития событий можно назвать не иначе, как «восстанием элит» (Кристофер Лэш).

Куда ведет этот вектор развития

Основная экономическая проблема нашей страны базируется на том, что российская финансовая система не обладает правом на самостоятельную эмиссию⁸ – т. е. выпуск необходимых для развития экономики денежных средств не

только серьезно ограничен, но и сеньораж (доход) от выпуска рублей фактически уходит глобальной финолигархии в ФРС США. *Туземной элите перепадает лишь сырьевая рента, часть которой уходит на поддержание плембса.*

При этом чтобы правильно оценить объявленную режимом грядущую национализацию всех крупных госбанков, нужно знать две принципиальные вещи:

– *во-первых*, что все деньги, попавшие на банковский счет, с финансово-правовой точки зрения во всем мире являются частными деньгами (точнее, частными денежными электронными документами);

– *во-вторых*, сложившаяся банковская система сама производит безналичные деньги, используя так называемый механизм «денежной мультипликации»⁸, чему способствует политика

Центробанка. При этом, выдавая кредиты, любой банк имеет неснижаемый кредитный портфель. Т. е., производя деньги из воздуха (упомянутая «денежная мультипликация»), частная банковская система может ещё и выдавать их в виде кредитов, а неснижаемый портфель означает, что банки получают выгоду не только в процентах, но и от сеньоража (выпуска денег). Чем больше капитал банка, тем больше неснижаемый кредитный портфель, тем больше он получит сеньораж. Т. е. у укрупнения банков есть объективная причина – повышение прибыли. Отсюда естественно вытекает тенденция на «концентрацию банковского капитала» – ра-

ди получения большего сеньоража. На сегодня до 60 % всей мировой прибыли оседает в финансовых структурах – вопиющая диспропорциональность.

Следующий цивилизационный этап – переход на электронные деньги – неминуем, это закон развития, хотели бы мы того или нет. Но в системе частных банков это будет означать, что государство окончательно отказывается от эмиссии и верификации валюты (т. е. подтверждения ее подлинности), при этом общество практически полностью лишается возможности влиять на ситуацию (пример ФРС в качестве иллюстрации). Против интересов общества выступает концентрация капитала в руках частных лиц, имеющих свои собственные цели.

Одновременно активно внедряемая идеология «либерализации общества» означает его предельную атомизацию – т. е. разделение на не связанных между собой индивидуумов, свободных от «вредных» религий, традиций, семейных и национальных связей и прочих социальных обязательств и «консервативных предрассудков». В такой субстанции максимальные конкурентные преимущества и власть получает предельно узкая социальная группа финолигархии, члены которой связаны между собой другой идеологией (религией), этническими и семейными узами.

При этом предельная концентрация капитала превращается в абсолютную власть, при которой деньги теряют смысл, и общество переводят на распределительную систему. Таким

образом, происходит мутация в сторону социалистического уклада (по Й. Шумпетеру), но ведет его к этому не «пролетариат», а суперконцентрация капитала, приводящая к власти финолигархию. Об этом откровенно пишет Ж. Аттали – «акын глобализации». Кто при этом конкретно будет распределять ресурсы, он не говорит, но всё и так понятно.

Это касательно того, куда «легализуется наша элита».

Футурология ближайших лет. Нео-этатизм

Попробуем заглянуть «за кризис»

Банально говорить о том, что существующая мировая система финансов терпит крах. Также очевидно, что попытка создать новую резервную валюту на основе любой из национальных валют под эгидой «глобальной финэлиты» обречена на провал, поскольку добровольно отдавать сеньораж сегодня никто не согласится, а глобального игрока, способного повлиять на принятие такого решения (как это было после Второй мировой с США, производящими и поглощающими тогда порядка 50 % мирового ВВП на фоне прочих разрушенных войной экономик), не предвидится, несмотря на все усилия⁹.

Что при этом произойдет? С падением доверия к доллару резко упадет спрос в США, формирующих порядка 40 % мирового спроса, в первую очередь на дорогостоящую продукцию, произведенную в Европе и Японии. Также резко упадет внешнеторговая выручка у государств сырьевого экспорта.

Сокращение мирового ВВП может достигнуть десятков процентов – особенно в сфере услуг и в первую очередь – финансовых. В результате кризисных явлений произойдет массовая потеря людьми работы и резко возрастет потребность в мобилизационных ресурсах государств, вынужденных поддерживать своих граждан (вплоть до перехода на карточную систему и создание трудовых армий и лагерей).

Таким образом,

Приход нео-этатизма необратим

Каким он будет? Вариантов тут несколько.

1. «Эрзац-этатизм» или «либеральный фашизм» — («медведевский») представляющий собой власть частных корпораций, подменяющих собой государство. Этот вариант уже был реализован в истории во время «Новой сделки» Рузвельта, укрепившей власть корпорации финолигархии, но реальным выходом из ситуации стала Вторая мировая, от которой государство, отделенное океаном от военных событий, получило крупнейшие в истории дивиденды¹⁰.

Этот путь можно также назвать капитал-тоталитаризмом. Именно при капитал-тоталитаризме для контроля над обществом были разработаны программы:

– упрощения языка до уровня *basic*, как «новояза человеческого программирования»¹¹ как вариант «дебилизации населения» и программирование человеческого поведения через СМИ (Тавистокский институт, Липпман, Лазерфельд,

Странтон);

– использования террора для отключения рационально-критической функции мышления, делающим предсказуемым эмоциональный отклик, выгодный для манипулятора. Поэтому через контроль за уровнями тревожности личности осуществляется контроль за большими социальными группами (Тавистокский институт, Рэнд корпорейшн);

– разложения основ традиционной морали, поскольку «консервативная христианская культура, как и патриархальная семья, порождает фашизм», а в потенциальные расисты и фашисты записывают всех, у кого отец «упертый патриот и приверженец старомодной религии» (!) («Франкфуртская школа», Адорно, Хоркхаймер)¹¹;

– размытия социальных протестов за счет организации намеренно уродливых «превентивных революций» и разрушения морали через эксплуатацию наркотиков, секса (Г.Маркузе) и многое другое.

Т. е. то, что сегодня принято называть «либеральным фашизмом» или «режимом восставших элит».

При этом выбор избирателя между партиями соперничающих элит превратился в формальные утверждения. Парламент не выполняет представительные и законодательные функции, будучи вытеснен доминирующими элитами, стремящимися закрепить в своих руках все властные функции. Этот «новый транснациональный капиталистический класс» доминирует в процессах глобализации мировых мегаполи-

сов. Доктрина «плюралистической демократии» исполнительной власти заменена на авторитарный популизм, который процветает благодаря инструментам массовых коммуникаций и гарантированному огромному самофинансированию (Данило Дзоло)¹².

При исчезновении социального государства наблюдается переход к «уголовному государству» (Лоик Вакан)¹³, характеризующемуся ростом полицейского контроля со стороны государственных и частных структур, увеличением сегрегации беднейших слоев населения и постоянным ростом числа заключенных.

2. «Чистый этатизм», который можно разделить на несколько подвидов¹⁴:

А. «Идеальный фашизм» – четкое противопоставление «мировым нормам» ценностей данной нации (ставка на «кровь и почву»). Тоталитарная техника власти посредством партии-авангарда «лучших сил народа», становящейся над формальными структурами государства. Партия-авангард собирает нацию в «монолит» и нейтрализует конфликт экономических «верхов» и «низов» без экспроприации и физического истребления заправил экономики, но склоняя «хозяев жизни» на консолидацию с низами своей нации на основе морального единства и исконных первоначал. Между тем, такой режим обречен на насилие по отношению к другим нациям (в качестве примера – война Италии в Африке).

В. «Идеальный социализм» – полное привязывание государства к идеологии. Тоталитарная техника власти посредством партии-авангарда «лучших сил народа». Превращая каждого в человеческий атом объединенного «единой силой». Классовые противоречия снимаются через совершение насилия над экономическими «верхами», ставя на экспроприацию и физическое истребление заправил экономики. Подобные установки вызывают неминуемые репрессии внутри страны и столкновения с государствами, где продолжает существовать «класс верхов».

С. «Постсоциализм» или власть чиновников, контролирующих госкорпорации. Когда к этому варианту общества в 60-е годы стала скатываться советская партноменклатура, Че Гевара назвал складывающийся строй «социал-империализмом». В урезанном и сильно искажённом виде таковым можно представить «режим плана Путина».

Есть ли шанс пройти между Сциллой и Харибдой вариантов неминуемого этатизма с минимальными потерями и стать крепче после испытаний? Попробуем разобрать альтернативный вариант выхода из кризиса.

Использовались материалы:

¹ <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>

² Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Москва: Алетейя,

2002.

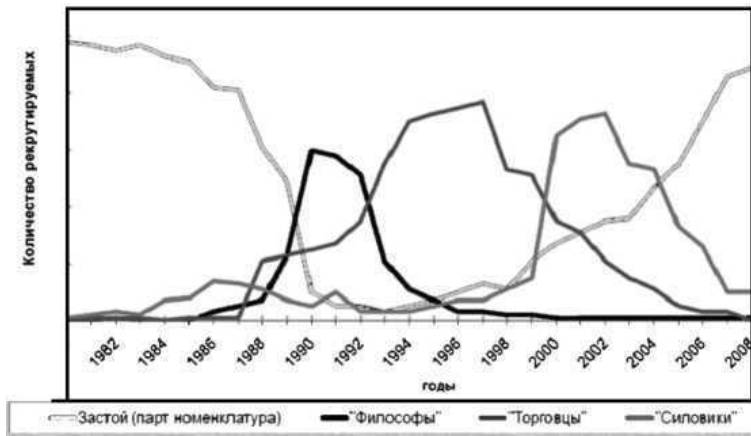
³ http://www.ng.ru/politics/2007-02-12/9_contra.html

⁴ Подмечено, что темпы роста в странах, богатых нефтью и газом, ниже, чем в странах, где запасы таких ресурсов ограничены. В начале 90-х появились работы пресловутых Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера (кураторов реформ в России), в которых изобилие природных ресурсов стало рассматриваться как «проклятие для экономического развития» (см. статью «Модернизировать нельзя дезинтегрировать»).

Развивая идею «проклятия ресурсного изобилия» влияние ресурсов стали оценивать как негативное при «плохих го-синститутах» (Ангола, Ирак, Нигерия); как позитивное – при хороших (Норвегия, Бруней, Бахрейн, ОАЭ, Кувейт). Но модель «условного проклятия» не объясняет, почему при хороших институтах в перечисленных странах ближнего Востока в последние четыре десятилетия в среднем наблюдался не рост, а снижение ВВП на душу населения. Но не в Норвегии – где доминирующей нефтяной компанией является государственная Statoil, контролируемая обществом. Таким образом, «проклятие снимается» при двух перечисленных условиях.

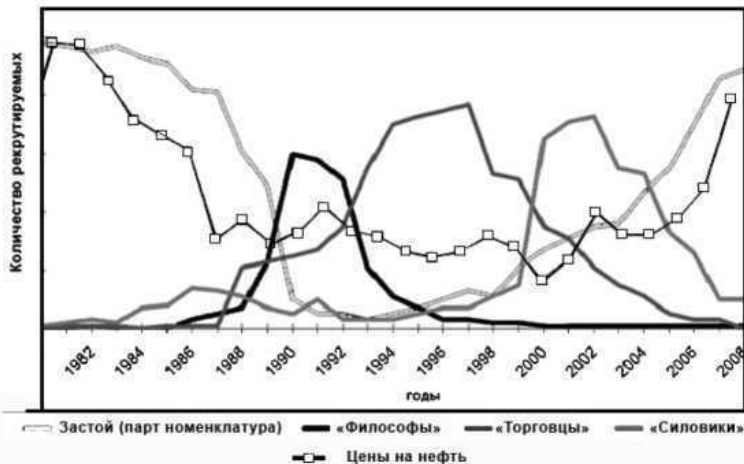
Также интересно отметить, как за последние 30 лет менялся состав высшей политической элиты (<http://schegloff.livejournal-com/322418.html>):

Типы рекрутируемых в элиту



² И как выглядит этот же график, наложенный на динамику цен на нефть:

Типы рекрутируемых в элиту



(<http://schegloff.livejournal.com/322418.html?thread=10465650>)

Эта схема показывает связь ротации элит философы-торговцы-воины – партноменклатура с основным экономическим параметром, определяющим существование страны. В нашем случае, к сожалению, это стоимость углеводородов – «нефтяная игла», на которую страну подсадила отказавшаяся от идеалистического проекта ради собственных социально-экономических гарантий советская номенклатура, начиная с середины 60-х годов – период перехода на «социал-империализм» (по терминологии Че Гевары, использованной в «Алжирской речи»).

Любопытное совпадение, но Хрущева «команда Брежнева» смещает в результате внутриноменклатурного переворота за один день до того, как СССР подсаживается на нефтяную иглу – вводится первая часть нефтепровода «Дружба».

⁵ В этом же и глубинный смысл заявлений Госдумы о событиях в Катыни, не ставшей рассматривать возможность фальсификации документов, не принявшей никаких усилий по выдвиганию встречных требований по расследованию уничтожения Польшей от 40 до 60 тысяч пленных красноармейцев. При этом суммарный ущерб от потенциальных исков может оцениваться в сумму соответствующую размерам «фондов национальной стабилизации».

⁶ <http://martinis09.livejournal.com/198712.html>

⁷ <http://www.rosbalt.ru/2010/10/12/779978.html>

⁸ см. статью «Скажи Халва».

⁹ см. статью «Глобальная финэлита и валютные войны».

¹⁰ Перед Первой мировой ВВП США составлял порядка 5 % мирового. К началу Второй мировой ВВП США составлял 33 % от мирового, а после Второй мировой – уже 50 %. Аналогично рос и золотой запас страны, достигнув пика в 70 % от общемировых к 1947 году. Сейчас доля США в мировом ВВП лишь 20 % (золотой запас порядка 28 %), и эти цифры неуклонно падают (Китай уже посоветовал США продавать свои запасы – <http://lenta.ru/news/2010/11/25/goldsale/>). Но история XX века дает амери-

канцам соблазнительный урок – повысить удельный вес своего ВВП и золотых запасов, не напрягаясь, а лишь развязав войну в Европе или Азии.

«Чтобы понять, до какой степени война обогатила Соединенные Штаты, достаточно сказать, что от начала существования этого государства (с первого года президентства Вашингтона) до начала войны 1914 года, то есть за 125 лет, в общей сложности перевес вывоза из Соединенных Штатов над ввозом в них из других стран исчисляется в 9 млрд. долларов, а тот же перевес за время с августа 1914 года до капитуляции Германии в ноябре 1918 года равняется 10,9 млрд. Значит, эти 4 года и 3 месяца войны были с точки зрения торгового баланса выгоднее для Соединенных Штатов, чем в общей сложности все сто двадцать пять лет (1788–1914) всей их предшествующей истории. Уже в 1919 году золотой запас США превысил 3 млрд. долларов (до августа 1914 года – 1,887 млрд.)» и т. д. (Тарле Е.В. Сочинения. Том 5. – М., 1958, с. 371.)

Сегодня от массовых военных действий США до сих пор сдерживает лишь ядерный потенциал России (КНР в меньшей степени), от применения которых не спасет расположение за океаном. В случае развития событий по этому сценарию все споры о контроле за ресурсами для живущих сегодня начисто лишатся смысла. Но сдерживающий фактор ЯО будет нейтрализован с созданием системы ПРО.

¹¹ См. статьи «Капитал-тоталитаризм» и «Недетская бо-

лезнь левизны в коммунизме».

¹² <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Avtoritamyj-populizm>

¹³ <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1781/>

¹⁴ см. подробнее в главе «Конец и начало истории».

Глава II. Высокий Коммунитаризм как Русская Идея

«...декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина. сам принуждающий закон может быть охранением свободы от человеческого произвола...»

Николай Бердяев. «Царство духа и царство кесаря»¹

Соотношение индивидуальных прав и прав сообщества – пожалуй, самый актуальный и наиболее обсуждаемый вопрос XX! века. Синтез индивидуального и общественно-го, капитализма и социализма сегодня носит международно-признанное название «коммунитаризм».

Коммунитаризм (лат. «communita» – единение; communitis, одного корня с tenuis – обязанность) – приобретшее популярность к концу XX века направление в социальной теории, стремящееся к сильному гражданскому обществу, основой которого являются местные сообщества и общественные организации, а не отдельные личности. Сутью теории является поиск гибких форм баланса между правами личности и общества, индивидуальной свободой и социальными обязательствами.

Коммунитаризм является конструктивной оппозицией не

только традиционалистскому авторитаризму, но и, если исходить из знаменитой триады «Свобода. Равенство. Братство» (*Liberté, Egalité, Fraternité*) индивидуалистическому рыночному либерализму и эгалитарным демократиям, выражая собой суть братства, гармонизирующего односторонние уклоны «только в свободу» или «только в равенство». Еще одним из терминов, которым можно описать идеологию коммунитаризма, – «органическая демократия», уважающая значимость не только личностных свобод, но и личных аспектов, таких как принадлежность к семье, местной общине, обществу в целом, принимая во внимание значимость участия в общественных процессах и гражданское самосознание.

Две наиболее молодые политические теории, опирающиеся на «уравнительность» (эгалитарность), такие как фашизм и социализм, по разным на то причинам, последовательно потерпели крах, следуя принципу LIFO (акроним – last in, first out). Поэтому анализ системы взглядов коммунитаризма необходимо провести в сопоставлении с единственно-доживающей свой век теорией либерализма по трем главным направлениям. Во-первых, в направлении развития древнего спора между коллективизмом и индивидуализмом. Во-вторых, в направлении изучения взаимосвязи между экономикой и социальной сферой. И, в-третьих, в направлении анализа общественных отношений адекватных современным производительным силам.

Коллективизм или индивидуализм

«Поймите же, Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; история ее требует другой мысли, другой формулы».

А.С.Пушкин

Либерализм, оставшийся на сегодня практически безальтернативно практикуемой политической теорией, возник как отдельное политико-философское направление еще в XVI–XVIII вв., в первую очередь под влиянием работ Томаса Гоббса и Джона Локка². Среди характерных принципов, заложенных в либерализме, необходимо отметить следующие:

– людей разъединяют ненависть, страх, жадность, алчность и другие страсти (Гоббс), а также их неудовлетворенные потребности (Локк);

– жизнь отдельного человека первична по сравнению с существованием гражданского общества, являющегося материальным воплощением человеческих решений, созданным для защиты «естественных» прав каждого индивида на жизнь, свободу и собственность;

– такие общества представляют собой объединения людей, в соответствии с «социальным контрактом» формирующих правящий строй, цель которого – обеспечить максимальную защиту прав людей;

– человеческие существа действуют под влиянием стра-

стей, а не разума.

Таким образом, политику либерализма можно охарактеризовать как взаимодействие противоборствующих необузданных интересов. Последовательно развивая эти идеи, либерализм сегодня стал отрицать: *государство и его контроль над экономикой, политикой и гражданским обществом; церкви с их догмами; любые формы общинного ведения хозяйства; любые попытки перераспределять государственными или общественными инстанциями результаты труда; этнические принадлежности; какую бы то ни было коллективную идентичность* (А. Дугин)³.

При этом установки либерализма базируются на следующих основных принципах: эгоизме, являющемся основным регулятором рынка; отношениях в социуме, подобных отношению в стаде животных; «идеальном» социуме, подобном машине, состоящей из множества взаимозаменяемых элементов; изолированности экономики от исторической реальности; анитисоциологизме; анитирегуляционизме и т. д.

Так, Карл Поппер, – один из столпов современного либерализма, – развивая эти понятия, писал: *«...магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – «открытым обществом»... Закрытое общество сходно со стадом или племенем... члены которого объединены связями, родством. участием в общих делах, одинаковыми опасностями*

ми, общими удовольствиями и бедами. Это все еще конкретная группа конкретных индивидуумов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения»⁵. Идеальная модель «открытого общества» для Поппера есть общество, где люди могут быть связаны чисто формальными отношениями (прежде всего отношениями купли-продажи), но «никогда не встречаются друг с другом лично, общаясь только с помощью современных средств связи и передвигаясь в одиночку в личном транспорте».

Для другого теоретика – Фридриха фон Хайека, занесенного талмудистами в пророки либеральной теории, прилагательное «социальное» является «самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике»⁶.

Такие подходы приводят к дегуманизации человека. То, что составляло сущность человеческого, стало переосмысляться теоретиками постиндустриального общества как «препятствие на пути технического прогресса». Характерная фраза: «Содержание культуры – это совокупность иррациональных моментов, связанных пережитками предыдущих фаз развития цивилизации» (Д. Белл)⁷. Получается, что человек, владеющий «культурным архивом» и в силу этого имеющий независимый взгляд на происходящие в мире процессы, т. е. являющийся Homo Sapiens – «человеком

разумным», а не «рационалистом»⁸, оказывается «препятствием» для торжества постиндустриального общества с точки зрения жрецов либеральной теории. Тем более что культура всегда национальна, а нации – это ещё одно «препятствие» на пути «глобального проекта». Между тем ещё в начале XX века известный этнопсихолог Д.Н. Овсяннико-Куликовский говорил: «слабоумные и идиоты лишены национальных признаков». Верно и обратное: лишенный национальных признаков – слабоумен.

Поэтому неудивительна происходящая сегодня вакханалия оглупления и обезличивания человечества мировой медийной машиной, принадлежащей финэлите. При этом либеральные теории, хотя и отрицают возможность познания законов истории, по существу, как и теория формаций в историческом материализме, являются механическими теориями стадийного развития, поскольку полагают, что *«мир неизбежно идет к универсальному обществу господства частной собственности и индивидуализма»*. Затем, как следующий этап эволюции «конкурентоспособного человеческого капитала», приходит очередь Номо Economicus, впоследствии и вовсе превращая его в электронный протез Automatum Perfectus.

Распространение таких принципов в обществе неумолимо повлекло рост стяжательства, политическую коррупцию, разложение общественных институтов, ухудшение состояния окружающей среды, цинизм и общее падение морали

«дегуманизированного конкурентоспособного материала». За последние 20 лет эти факторы начали превалировать над другими сторонами жизни социумов и привели к утрате жизненных устоев и духовному обнищанию, повлекшими за собой катастрофический рост наркомании, брошенных детей, рост преступности и самоубийств. В том числе и потому, что сложно назвать такие перспективы «захватывающей мечтой о будущем».

Соответственно идеологии сформировалась и правящая верхушка, чуждая общественным интересам и исповедующая стяжательство, что неумолимо привело к «восстанию элит»⁹. В рамках этого «восстания» «элита» усиленно насаждает ощущение невозможности что-либо изменить, управляет пессимизмом разума и воли большинства населения страны, загнав массы в апатию «тупика невозможности».

Выходом из этого тупика может стать только альтернативная или «четвертая по счету» политическая теория коммунизма.

Универсальность принципов основ коммунизма

В основе теории лежат простые и понятные принципы.

Во-первых, эффективная реализация прав невозможна вне сообществ, значит, невозможна без принятия обязательств перед сообществом. Люди в принципе не являют-

ся отчужденными и изолированными, их тесно связывают разнообразные межличностные отношения, которые в конечном итоге и формируют полноценную содержательную жизнь, без которых человек не может стать зрелой личностью. Общество является естественной средой, лежащей в основе человеческого бытия. Хотя моральная автономия личности является одним из важнейших человеческих качеств, следует отметить, что достижение ее каждым в отдельности возможно только при условии соответствующего обучения и воспитания в семье, среди друзей и учителей в определенной социальной и культурной среде.

Во-вторых, забота о себе и своих правах предполагает материальное и моральное благополучие других – в этом состоит социальная справедливость, – и это не «ежедневное самопожертвование», а постоянное осознание роли других. Сообщество – явление гораздо более сложное, чем группа случайных людей. Оно порождает особые, зависящие от контекста, упорядоченные взаимоотношения. Далекое не все взаимоотношения подходят под это определение. «Социальное согласие» является тем основанием, на котором строится и функционирует сообщество. В качестве примера типов сообществ необходимо упомянуть семьи, друзей, гражданские ассоциации, религиозные объединения, гражданскую ответственность и т. д.

В-третьих, возведение права в абсолют размножает права до бесконечности и доводит до экстремизма, в обществе пра-

ва не должны доминировать над ответственностью и обязанностями. Коммунитаризм принимает за основу постулат о том, что связь чувств и разума носит сущностный, а не механический характер. Разум может часто умерять и сдерживать чувства, а чувства давать пищу для раздумий. В процессе интерпретации значений разум и чувства совместно участвуют не только на индивидуальном, но и на социальном уровне. Отсюда чувства отдельного человека не являются его личностными, иррациональными источниками ценностных суждений, как предполагают либералы. Чувства и ценности могут быть организованы в иерархии взаимоотношений, которые устанавливаются в основном в процессе диалога внутри сообществ. Некоторые чувства и ценности считаются более важными, чем другие, и являются объектом обсуждения в сообществе, а не просто утверждаются как непреложные истины отдельными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.